

Курочкин Александр Вячеславович

**ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ: ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ И МЕСТО В
СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Статья посвящена анализу становления и развития сетевого подхода в политике и государственном управлении. Автор рассматривает гносеологический и онтологический аспекты данного процесса, а также основные школы и направления в политической науке, оказавшие наиболее существенное влияние на формирование теории сетей. Также рассмотрены предпосылки формирования сетевых форм координации и управления в современном политическом процессе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/26.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III. С. 117-120. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

PHILOSOPHICAL-ECONOMIC ASPECTS OF COSMOS SYMBOLIZATION IN ANCIENT RITUAL AND PRE-SOCRATIC PHILOSOPHY: ONTOLOGICAL ANALYSIS

Oleg Konstantinovich Koshmilo, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy and Social Communications
St. Petersburg Trade and Economic Institute
koshmilo-ok@yandex.ru

The author considers the problem of the cosmos-centric grounds of economics fundamental supply and demand balance under the ancient world economic circumstances within the framework of Martin Heidegger's ontological analytics, shows that in contrast to the restraint of modern European economics supply and demand balance, ancient economics finds this balance foundation in nature itself and supposes that such a view will be of interest to the specialists in the sphere of economics and archaic culture philosophy.

Key words and phrases: cosmos; sacred; sacrifice; exchange; symbol; metaphor; metonymy; being; thinking; balance; demand; supply.

УДК 321.01

Статья посвящена анализу становления и развития сетевого подхода в политике и государственном управлении. Автор рассматривает гносеологический и онтологический аспекты данного процесса, а также основные школы и направления в политической науке, оказавшие наиболее существенное влияние на формирование теории сетей. Также рассмотрены предпосылки формирования сетевых форм координации и управления в современном политическом процессе.

Ключевые слова и фразы: теория политических сетей; децентрализация; сетевая коммуникация; политический процесс.

Александр Вячеславович Курочкин, к. социол. н., доцент
Факультет политологии
Санкт-Петербургский государственный университет
alexkur@bk.ru

ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ: ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ И МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ[©]

Рассмотрение становления и развития сетевой теории в политике и государственном управлении следует осуществлять в единстве двух аспектов: гносеологического и онтологического. Первый предопределяет возникновение теории сетей развитием методологического аппарата социальных наук, второй – появлением и распространением в политике новых сетевых форм координации и управления.

В XX веке развитие политической науки шло в соответствии с общим для социальных наук трендом: постепенным отказом от механистической картины мира с ее доминирующей идеей линейных причинно-следственных связей и функционалистской традиции, объясняющей наличие определенного набора элементов социальной системы их вкладом в функционирование и поддержание жизнеспособности единого общественного организма. К 1980-м гг. XX века сформировалась и окрепла исходная предпосылка о том, что общество более не может управляться по принципу иерархического социального контроля и не может контролироваться из одного центра. Инструменты контроля оказываются рассеянными между многочисленными, активно взаимодействующими друг с другом акторами. Таким образом, внимание исследователей постепенно фокусируется на проблеме горизонтальной координации в условиях полицентрического общества.

Ключевые принципы, лежащие в основе сетевой методологии, нельзя отнести к новейшим достижениям в социальных науках. Так, математические основы сетевой теории (как математической теории графов) были заложены всемирно известным математиком Леонардом Эйлером еще в XVIII веке, когда он ввел в научный оборот понятие графа как совокупности вершин и соединяющих их связей. Ему же принадлежит авторство одного из ключевых постулатов теории сетей: внутренние характеристики графов (сетей) определяют потенциальные возможности их использования.

Среди классиков социологической науки идеи сетевого подхода к анализу социальных структур были достаточно близки Георгу Зиммелю (интересную интерпретацию его метода формальной социологии через призму теории сетей можно найти в статье американского исследователя Э. Роджерса [12]), а также знаменитому антропологу Клоду Леви-Строссу, определявшему общество как «сеть различных типов порядка», которые, в свою очередь, могут быть классифицированы согласно различным организационным принципам, «исходя из способов их взаимодействия друг с другом как на синхроническом, так и на диахроническом уровнях» [11, p. 312].

Прикладное направление в исследовании социальных и других видов сетей начало активно развиваться в первой половине XX века. Так, в 1932 г. американский социопсихолог Якоб Морено в процессе работы над

практиками групповой психотерапии впервые применил социометрический тест для выявления глубинной структуры эмоциональных взаимоотношений. По результатам теста строилась социограмма, которая, по мысли Морено, должна фиксировать статический срез отношений в коллективе. Социограмма стала, таким образом, графической иллюстрацией отношений в группе. Ее изображение в двухмерном пространстве представляет собой карту социальной сети. Впоследствии прикладные исследования сетей были представлены в социальных науках достаточно широко. Среди прочих можно отметить ключевые работы по математическому моделированию сетей Р. Соломоноффа и А. Раппопорта, П. Эрдоса и А. Ренье, исследования Н. Лин, Б. Веллмана, Дж. Коулмана, посвященные оценке сетевых ресурсов и сетевого капитала, анализ В. Кербсом, М. Эйджемном, Б. Макалистером, Дж. Родригесом и др. скрытых (криминальных, террористических) сетей. В конце 1970-х гг. была основана специализированная научная ассоциация по прикладным исследованиям социальных сетей – Международная сеть анализа социальных сетей (INSNA) и стали выходить два периодических издания на английском языке – «Connections» и «Social Networks», что свидетельствовало о растущей популярности нового направления в социальных науках и обеспечило солидную эмпирическую базу для его развития.

Политическая теория также достаточно давно испытала влияние идей, созвучных с основными принципами сетевой методологии. Еще в конце 1930-х годов политологи обратили внимание на значение неформальных каналов и объединений в процессе принятия политических решений. Здесь можно упомянуть работу Эрнста Гриффита «Тупик демократии: исследование современного правительства в действии», в которой он отмечал значение связей и отношений, неформально складывающихся вокруг решения различных проблем выработки политики. Эти отношения (по сути своей сетевые) оказываются часто значительно более плодотворными, нежели традиционные, формально установленные, каналы принятия решений [9].

В середине-конце 1960-х гг. свой вклад в становление сетевой методологии внесла плюралистическая теория, наиболее полно представленная в работах А. Бентли и Д. Трумана. Их значение заключается, прежде всего, в обоснованной критике структурной, формальной и инструменталистской концепций в политической науке и акцентировании внимания на роли горизонтальных связей между правительством, административными подразделениями и группами интересов. Собственно, Бентли был одним из первых, кто еще в 1967 г. определил государственное управление как сетевую форму деятельности. Несмотря на некоторую методологическую аморфность, заключающуюся в чрезмерном усложнении политического процесса, уподобляемого в данном подходе динамичным и изменчивым потокам, его значение для формирования сетевого подхода в политической науке очевидно.

Нельзя также не отметить и вклад знаменитого норвежского политолога Стэйна Роккана, выступавшего, скорее, с позиций неоинституционализма и «постплюрализма». Он неоднократно использовал термин сети [13] и, что более важно, придавал их существованию в политической системе достаточно большое значение. Роккан считал сетевые структуры, объединяющие частных и государственных акторов, важными дополнительными или параллельными каналами, обеспечивающими учет многочисленных интересов в процессе принятия политических решений.

На формирование сетевой методологии оказали серьезное влияние и многочисленные отраслевые исследования, сфокусированные на анализе конкретных уровней управления или отраслевых политиках. Здесь можно указать целый ряд ярких работ. Это – анализ А. Вилдавски бюджетного процесса и деятельности британского казначейства, в ходе которого автор ввел понятие «политическое сообщество», определяемое как особый кластер личных неформальных связей политического руководства и высших административных чинов [14]. Исследование Фрэнда, Пауэра и Юлетта посвящено анализу местного уровня управления, где сети выступали в качестве элемента системы выработки политики, которая, в свою очередь, определялась как комплекс организационных (формализованных) и межперсональных (неформальных) отношений по поводу решения проблем, связанных с выбором и реализацией конкретной политической стратегии [7]. Образующаяся в результате сложная коммуникационная структура определяется авторами как «сеть принятия решений» (decision network). Также широко известна работа Х. Гекло «Проблемные сети и высший управленческий аппарат», в которой вводится новое понятие «проблемные сети» (issue networks), определяющее сложные сетевые структуры, которые включают в себя множество акторов, участвующих в принятии решений [10]. Гекло обрисовал принципиально новую сетевую форму выработки политики, в которой полномочия и ответственность размыты между большим числом политических посредников. Эта модель близка к идее Роккана о существовании сети параллельных официальным каналам участия в процессе принятия политических решений.

Существенный вклад в развитие сетевого подхода в сфере государственной политики и управления внесла также и теория организаций, в рамках которой данный подход применялся весьма широко.

В основе сетевого подхода в теории организаций лежит представление об организации как сети субъектов. Это представление является своеобразным компромиссом между двумя крайними моделями организаций, доминировавшими в теории организаций на различных этапах ее развития: моделью систем и моделью участвующих сторон. Первая диктуется структурно-функциональным подходом к организации (организация как стабильная система, деятельность которой направлена на воспроизводство и самосохранение); вторая, более близкая методологически к теории рационального выбора и экономическому анализу, представляет организации как субгруппы, преследующие собственные интересы. Очевидно, что и первая, и вторая – это крайние позиции в представлении о поведении и структуре современных организаций, и здесь приходится согласиться с мыслью известного исследователя организаций У. Мاستенбука о том, что социальные отношения имеют смешанный характер, а следовательно, «организации представляют собой сети взаимозависимых групп» [2, с. 21], отношения между которыми характеризуются процессами сотрудничества и конкуренции. Таким образом, в качестве базового принципа

функционирования сетевой структуры современных организаций У. Мاستенбрук определяет коалицию дивергентных интересов. Следует отметить, что общие принципы сетевого подхода были привнесены в теорию организаций задолго до У. Мастенбрука. Мы можем обнаружить их в работах таких классиков социологии организаций и управления, как М. Крозье [5], А. Гоулднер [8], А. Этциони [6] и др.

Онтологический аспект становления и развития сетевого подхода в политике и управлении обращает наше внимание на те трансформации, которые претерпел за последние десятилетия сам процесс выработки и имплементации политики. Для описания и анализа большинства таких перемен термин «сеть» оказался вполне адекватным, что превратило сетевую методологию, используемую в различных направлениях и школах, в мейнстрим современной политической науки. Обозначим лишь некоторые из них.

1. Рост функциональной дифференциации, или секторализация, в государственной политике и управлении, представляющий собой результат колоссального усложнения социального организма в целом.

2. Дифференциация и усложнение политической и управленческой деятельности привели к росту ценности доступа к информации, обеспечивающей возможности контроля политического и управленческого процессов, а также необходимость ее быстрой обработки и анализа (что актуализировало процесс информатизации политики).

3. Рост функций политического управления и сфер государственной политики (policy domains), приведший в конечном счете к перегруженности систем государственного управления.

4. Набирающий темпы процесс децентрализации и фрагментации государственной власти, представляющей к концу 1980-х годов не монолитную структуру, а скорее набор относительно разрозненных административных структур, существенно различающихся по отраслям и уровням управления.

5. Усиливающаяся размытость границ между частной и публичной сферами, что определяется не только интервенцией рынка и рыночных механизмов в область государственной политики и управления, но и тем фактом, что решение большинства задач публичной политики сегодня немыслимо без активного участия частных лиц и организаций. Данный тренд, в частности, вызвал к жизни такой феномен, как кооперативное государство.

6. Глобализация внутренней политики, охватившая мир благодаря технологическому прогрессу и сверхбыстрому развитию наднациональных политических организаций, часто прямо влияющих на внутривнутриполитические вопросы конкретных государств.

7. Возникновение так называемого «организованного общества», проявляющего себя во все более растущем значении организованных коллективов в социальной и политической жизни общества. Политические и управленческие решения все чаще конструируются коллективными или корпоративными акторами.

В итоге к концу 1980-х гг. в западной политической науке и теории государственного управления закрепилось мнение о том, что мы сегодня являемся свидетелями кардинального изменения политического и управленческого порядка от иерархий/организаций (и рынков/анархий) к сетевым структурам. Содержание этого процесса заключается в том, что социум более не контролируется исключительно централизованными структурами. В современном мире инструменты контроля рассеяны между множеством разнообразных акторов, и их координация не является более результатом «централизованного руководства», а возникает в процессе целенаправленного взаимодействия отдельных акторов [1; 3].

Национальное государство начинает существовать как минимум в двух измерениях: глобальном и локальном. В результате образуется новая форма государства – так называемое сетевое государство, в котором принятие решений есть результат сложного процесса переговоров и согласований на всех уровнях. В этот процесс оказываются вовлеченными центральное правительство, субнациональные органы государственной власти, международные институты, местное самоуправление и неправительственные организации. Таким образом, государство начинает функционировать как сеть, «в которой все точки пересечения (узлы) влияют друг на друга и в одинаковой степени вовлечены в процесс обеспечения государственных функций» [4, р. 14].

Список литературы

1. Курочкин А. В. Политика в условиях сетевого общества: новая структура и содержание // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9). Ч. 2. С. 113-117.
2. Мастенбрук У. Управление конфликтными ситуациями и развитие организации. М.: ИНФРА-М, 1996.
3. Blatter J. Beyond Hierarchies and Networks: Institutional Logics and Change in Transboundary Spaces // Governance: an international journal of policy, administration and institutions. 2003. Vol. 16. № 4.
4. Castels M. The Internet Galaxy: reflections on the Internet, business and society. Oxford UP, 2001.
5. Crozier M. The Bureaucratic Phenomenon. Chicago: University of Chicago Press, 1964.
6. Etzioni A. Modern Organizations. Englewood Cliffs, New Jersey, 1964.
7. Friend J. K., Power J. M., Yewlett C. J. Public Planning: the Inter-corporate Dimension. L.: Tavistock, 1974.
8. Gouldner A. W. Patterns of Industrial Bureaucracy. N.Y.: Free Press, 1954.
9. Griffith E. The Impasse of Democracy: a Study of the Modern Government in Action. N.Y.: Harrison-Hilton Books, Inc., 1939.
10. Hecllo H. Issue Networks and the Executive Establishment // King A. The New American Political System. Washington D.C., 1978. P. 87-124.
11. Levi-Strauss C. Antropologie structural. P.: Librairie Plon, 1969.
12. Rogers E. M. Network Analysis // International Encyclopedia of Communications. Oxford University Press, 1989. P. 167-168.
13. Rokkan S. Norway: Numerical Democracy and Corporate Pluralism // Dahl R. A. Political Oppositions in Western Democracies. New Haven: Yale University Press, 1966. P. 70-115.
14. Wildavsky A. The Politics of the Budgetary Process. Boston, 1974.

POLITICAL NETWORKS THEORY: FORMATION PRECONDITIONS AND PLACE IN MODERN POLITICAL SCIENCE

Aleksandr Vyacheslavovich Kurochkin, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Faculty of Political Science
St. Petersburg State University
alexkur@bk.ru

The author analyzes network approach formation and development in politics and state administration, considers the epistemological and ontological aspects of this process as well as major schools and trends in political science, which most significantly influenced network theory formation and also considers the preconditions of coordination and administration network forms formation in modern political process.

Key words and phrases: political networks theory; decentralization; network communication; political process.

УДК 1

В статье рассматривается проблема происхождения морального закона у Канта, являющаяся одной из наиболее сложных и запутанных в кантоведении, поскольку имеет различные варианты решения. Приходится признать, что сегодня у нас нет устраивающего всех указания на бесспорный кантовский источник морального закона. Автор пытается сформулировать и обосновать свою концепцию решения данного вопроса.

Ключевые слова и фразы: вера; воля; общезначимость; практический разум; моральный закон.

Александр Владимирович Кучеренко, к. филос. н., доцент
Кафедра философии и социально-гуманитарных дисциплин
Курская академия государственной и муниципальной службы
kucherenkoav@yandex.ru

ВЕРА, ВОЛЯ И ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗУМ КАК ИСТОЧНИКИ МОРАЛЬНОГО ЗАКОНА В ЭТИКЕ КАНТА[©]

Среди источников морального закона у Канта обычно указывают на веру, волю и практический разум. В данном случае они берутся изолированно друг от друга таким образом, как будто бы сами из себя спонтанно порождают нормы морального закона. Наибольшую популярность в нахождении ответа на вопрос об источнике кантовского морального закона имеет законодательствующий практический разум. Данный вариант мог бы претендовать на эту роль, если бы не прямое указание Канта на то, что никакой чистый разум, полагаясь только на самого себя, не способен создать моральный закон. Замалчивание этой убийственной для данного варианта фразы Канта способно на какое-то время создать видимость решения проблемы, но не решить ее по существу.

Вера или воля, создающие закон для самих себя, очерчивают круг в доказательстве, где причина и следствие меняются местами. Такую позицию можно найти у В. Винельбанда (относительно веры) и П. Наторпа (относительно воли).

Как представляется автору, кантовский дуализм в решении вопроса о моральном законе удерживает двойственность значений чувственного и рационального, но здесь проявляет себя чувственность особого рода, не эмпирическая, а непосредственно связанная с интеллигибельным миром универсальных общезначимых норм морального закона, миром ноуменов. Эта чувственность и воздействует на практический разум.

Р. Отто считает недоступной для понимания область священного, в которой расположен моральный закон. «Как таковое священное содержит в себе совершенно своеобразный момент, – пишет он, – ускользающий от рационального, а потому оно <...> само по себе недоступно для *понятийного* постижения» [12, S. 5]. Рациональное осмысление священного, согласно Отто, невозможно, но это противоречит общей концепции Канта.

Примером одного из вариантов монистического решения вопроса о природе морального закона может служить высказывание П. Наторпа, в котором «основания должного или основания того, почему добро есть добро, остается искать лишь в самой воле и в ее собственном внутреннем законе» [10, с. 87].

Другой, наиболее распространенный вариант представляет М. А. Булатов, утверждающий, что моральный закон порожден разумом отдельного индивида. «Но откуда происходит сам закон, – пишет он, – кто является законодателем? <...> закон морали исходит от отдельного индивида, хотя, правда, не из его личного интереса, а из разума, имеющего дело со всеобщим и необходимым, а потому и имеет значимость для всех людей» [2, с. 67]. Итак, моральный закон появляется из интереса чистого разума отдельного индивида ко всеобщему и необходимому. Данную концепцию поддерживает и Г. Н. Гумницкий, доводя ее до полного логического завершения, где моральный закон порождается чистым разумом, потенциально ранее